

О РУССКОЙ ИДЕЕ

ИВАН ИЛЬИН

I.

Если нашему поколению выпало на долю жить в наиболее трудную и опасную эпоху русской истории, то это не может и не должно колебать наше разумение, нашу волю и наше служение России. Борьба русского народа за свободную и достойную жизнь на земле — продолжается. И ныне нам более, чем когда-нибудь верить в Россию, видеть ее духовную силу и своеобразие и выговаривать за нес, от ее лица и для ее будущих поколений ее **творческую идею**.

Эту творческую идею нам не у кого и не для чего заимствовать: она может быть только **русскою, национальною**. Она должна выражать русское историческое **своеобразие** и в то же время — русское историческое **призвание**. Эта идея формулирует то, что русскому народу **уже присуще**, что составляет его **благую силу, в чем он прав перед лицом Божиим и самобытен** среди всех других народов. И в то же время эта идея указывает нам нашу **историческую задачу и наш духовный путь**; это то, что мы должны беречь и растить в себе, воспитывать в наших детях и в грядущих поколениях и донести до настоящей чистоты и полноты бытия, — во всем, в нашей культуре и в нашем быту, в наших душах и в нашей вере, в наших учреждениях и законах. Русская идея есть нечто живое, простое и творческое. Россия жила ею во все свои вдохновенные часы, во все свои благие дни, во всех своих великих людях. Об этой идее мы можем сказать: **так было**, и когда так бывало, то осуществлялось **прекрасное; и так будет**, и чем полнее и сильнее это будет осуществляться, тем будет лучше...

В чем же сущность этой идеи?

Русская идея есть идея сердца. Идея **созерцающего сердца**. Сердца, созерцающего **свободно и предметно**; и передающего свое видение **воле** для действия, **мысли** для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской куль-

туры. Вот главная сила России и русской самобытности. Вот путь нашего возрождения и обновления. Вот то, что другие народы смутно чувствуют в русском духе, и когда верно узнают это, то преклоняются и начинают любить и чтить Россию. А пока не умеют или не хотят узнать, отвертываются, судят о России свысока и говорят о ней слова неправды, зависти и вражды.

1. — Итак, русская идея есть идея сердца.

Она утверждает, что главное в жизни есть **любовь** и что, именно, любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви рождается вера и вся культура духа. Эту идею русско-славянская душа, издревле и органически предрасположенная к **чувству, сочувствию и доброте, восприняла исторически от христианства**: она отозвалась **сердцем** на Божие благовестие, на главную заповедь Божию, и уверовала, что «Бог есть Любовь». Русское православие есть христианство не столько от Павла, сколько от Иоанна, Иакова и Петра. Оно воспринимает Бога не воображением, которому нужны страхи и чудеса для того, чтобы испугаться и преклониться перед «силою» (первобытные религии); — не жадною и властною земною волею, которая в лучшем случае догматически принимает **моральное правило**, повинуется **закону** и сама требует **повиновения** от других (иудаизм и католицизм); — не мыслью, которая ищет понимания и толкования и затем склонна отвергать то, что ей кажется непонятным (протестантство). Русское православие воспринимает Бога **любовью**, воссылает Ему молитву любви и обращается с любовью к миру и к людям. Этот дух определил собою акт православной веры, православное богослужение, наши церковные песнопения и церковную архитектуру. Русский народ принял христианство не от меча, не по расчету, не страхом и не умственностью, а чувством, добротою, совестью и сердечным созерцанием. Когда русский человек верует, то он верует не волею и не умом, а огнем сердца. Когда его вера созерцает, то она не предается соблазнительным галлюцинациям, а стремится увидеть **подлинное совершенство**. Когда его вера желает, то она желает не власти над вселенною (под предлогом своего правоверия), а **совершенного качества**. В этом корень русской идеи. В этом ее творческая сила на века.

И все это не идеализация и не миф, а живая сила русской души и русской истории. О **доброте, ласковости и гостеприимстве**, а также и о свободолюбии русских славян свидетельствуют единогласно древние источники и византийские, и арабские. Русская народная сказка вся проникнута **певучим доброду-**

шем. Русская песня есть прямое излияние **сердечного чувства** во всех его видоизменениях. Русский танец есть импровизация, приистекающая из **переполненного чувства**. Первые исторические русские князья суть герои **сердца и совести** (Владимир, Ярослав, Мономах). Первый русский святой (Феодосии) — есть явление **сущей доброты**. **Духом сердечного и совестного созерцания** проникнуты русские летописи и наставительные сочинения. Этот дух живет в русской поэзии и литературе, в русской живописи и в русской музыке. История русского правосознания свидетельствует о постепенном проникновении его этим духом, духом братского сочувствия и индивидуализирующей справедливости. Л русская медицинская школа есть его прямое порождение (диагностические интуиции живой страдающей личности).

Итак, **любовь** есть основная духовно-творческая сила русской души. Без любви русский человек есть неудавшееся существо. Цивилизующие суррогаты любви (долг, дисциплина, формальная лояльность, гипноз внешней законопослушности) — сами по себе ему мало свойственны. Без любви — он или лениво прозябает, или склоняется к вседозволенности. Ни во что не веруя, русский человек становится пустым существом, без идеала и без цели. Ум и воля русского человека приводятся в духовно-творческое движение именно любовью и верою.

2. — И при всем том, первое проявление русской любви и русской веры есть живое **созерцание**.

Созерцанию нас учило прежде всего наше равнинное пространство, наша природа, с ее реками, лесами, грозами и метелями. Отсюда наше неумолимое взирание, наша мечтательность, наша созерцающая «лень» (Пушкин), за которой скрывается сила творческого воображения. Русскому созерцанию давалась красота, пленявшая сердце, и эта красота во всем — от ткани и кружева до жилищных и крепостных строений. От этого души становились нежнее, утонченнее и глубже; созерцание вносилось и во внутреннюю культуру — в веру, в молитву, в искусство, в науку и в философию. Русскому человеку присуща потребность **увидеть любимое** вживе и въяве, и потом **выразить увиденное** — поступком, песней, рисунком или словом. Вот почему в основе всей русской культуры лежит **живая очевидность сердца**, а русское искусство всегда было — **чувственным изображением нечувственно-узренных обстоятельств**. Именно эта живая очевидность лежит и в основе русского исторического монархизма. Россия росла и выросла в форме монархии не потому, что русский человек тяготел к зависимо-

сти или к политическому рабству, как думают многие на западе, но потому, что государство в его понимании должно быть художественно и религиозно воплощено в едином лице, — живом, созерцаемом, беззаветно любимом и всенародно «созидаемом» и укрепляемом этой всеобщей любовью.

3. — Но сердце и созерцание дышат **свободно**. Они требуют свободу, и творчество их без нее угасает. Сердцу нельзя приказывать любить, его можно только зажечь любовью. Созерцанию нельзя предписать, что ему надо видеть и что оно должно творить. Дух человека есть бытие личное, органическое и самодеятельное: он любит и творит **сам**, согласно своим внутренним потребностям. Этому соответствовало исконное славянское свободолобие и русско-славянская приверженность к национально-религиозному своеобразию. Этому соответствовала и православная концепция Христианства: не формальная, не законническая, не морализирующая, но освобождающая человека к живой любви и к живому совестному созерцанию. Этому соответствовала и древняя русская (и церковная, и государственная) **терпимость** ко всякому иноверию и ко всякой иноплеменности, открывшая России пути к имперскому (не «империалистическому») пониманию своих задач (см. замечательную статью проф. Розова: «Христианская свобода и древняя Русь» в № 10 ежегодника «День русской славы», 1940, Белград).

Русскому человеку свобода присуща как бы от природы. Она выражается в той **органической естественности и простоте, в той импровизаторской легкости и непринужденности**, которая отличает восточного славянина от западных народов вообще и даже от некоторых западных славян. Эта внутренняя свобода чувствуется у нас во всем: в медлительной плавности и певучести русской речи, в русской походке и жестикуляции, в русской одежде и пляске, в русской пище и русском быту. Русский мир жил и рос в пространственных просторах и сам тяготел к просторной нестесненности. Природная темпераментность души влекла русского человека к прямоте и открытости (Святославова «иду на вы»...), превращала его страстность в искренность и возводила эту искренность к исповедничеству и мученичеству...

Еще при первом вторжении татар русский человек предпочитал смерть рабству и умел бороться до последнего. Таким он оставался и на протяжении всей своей истории. И не случайно, что за войну 1914—1917 года из 1.400.000 русских пленных в Германии 260.000 человек (18,5 проц.) пытались бежать из плена. «Такого процента попыток не дала ни одна

нация» (Н. Н. Головин). И если мы, учитывая это органическое свободолюбие русского народа, окинем мысленным взором его историю с ее бесконечными войнами и длительным закрепощением, то мы должны будем не возмутиться сравнительно редкими (хотя и жестокими) русскими бунтами, а преклониться перед той силою **государственного инстинкта, духовной лояльности и христианского терпения**, которую русский народ обнаруживал на протяжении всей своей истории.

II.

Итак, русская идея есть идея свободно созерцающего сердца. Однако, это созерцание призвано быть не только **свободным, но и предметным**. Ибо свобода, принципиально говоря, дается человеку не для саморазнуждания, а для **органически-творческого самооформления**, не для беспредметного блуждания и произволения, а для самостоятельного **нахождения предмета и пребывания в нем**. Только так возникает и зреет духовная культура. Именно в этом она и состоит.

Вся жизнь русского народа могла бы быть выражена и изображена так: **свободно созерцающее сердце искало и находило свой верный и достойный Предмет**. По-своему находило сто сердце юродивого, по-своему — сердце странника и паломника; по-своему предавалось религиозному предметовидению русское отшельничество и старчество; по-своему держалось за священные традиции Православия русское старобрядчество; по-своему, совершенно по-особому вынашивала свои славные традиции русская армия; по-своему уже несло тягловое служение русское крестьянство и по-своему же вынашивало русское боярство традиции русской православной государственности; по-своему утверждали свое предметное видение те русские праведники, которыми держалась русская земля и облики коих художественно показал Н. С. Лесков. Вся история русских войн есть история самоотверженного предметного служения Богу, Царю и отечеству; а, например, русское казачество сначала искало свободы, а потом уже научилось предметному государственному патриотизму. Россия всегда строилась духом **свободы и предметности**, и всегда шаталась и распадалась, как только свобода извращалась в произвол и посягание, в самодурство и насилие, как только созерцающее сердце русского человека прилеплялось к беспредметным или противопредметным содержаниям...

Такова русская идея: **свободно и предметно созерцающая любовь и определяющаяся этим жизнь и культура**. Там, где

русский человек жил и творил из этого акта, — он духовно осуществлял свое национальное своеобразие и производил свои лучшие создания — во всем: в праве и в государстве, в одинокой молитве и в общественной организации, в искусстве и в науке, в хозяйстве и в семейном быту, в церковном алтаре и на царском престоле. Божие дары — история и природа — сделали русского человека именно таким. В этом нет его заслуги, но этим определяется его драгоценная самобытность в сонме других народов. Этим определяется и задача русского народа: быть таким со всей возможной полнотой и творческой силой, блюсти свою духовную природу, не соблазняться чужими укладами, не исказить своего духовного лица искусственно пересаживаемыми чертами и творить свою жизнь и культуру именно этим духовным актом.

Исходя из русского уклада души, нам следует помнить одно и заботиться об одном: как бы нам наполнить данное нам свободное и любовное созерцание настоящим предметным содержанием; как бы нам верно воспринять и выразить Божественное — по-своему; как бы нам верно воспринять петь Божьи песни и растить на наших полях Божьи цветы... Мы призваны не заимствовать у других народов, а творить свое и по-своему; но так, чтобы это наше и по-нашему созданное было на самом деле верно и прекрасно, т. е. Предметно.

Итак, мы не призваны заимствовать духовную культуру у других народов или подражать им. Мы призваны творить свое и по-своему: — русское, по-русски.

У других народов был издревле другой характер и другой творческий уклад: свой особый — у иудеев, свой особый — у греков, особый у римлян, иной у германцев, иной у галлов, иной у англичан. У них другая вера, другая «кровь в жилах», другая наследственность, другая природа, другая история. У них свои достоинства и свои недостатки. Кто из нас захочет заимствовать их недостатки? — Никто. Л достоинства нам даны и заданы наши собственные. И когда мы сумеем преодолеть свои национальные недостатки,—совестью, молитвою, трудом и воспитанием, — тогда наши достоинства расцветут так, что о чужих никто из нас не захочет и помышлять.

Так, например, все попытки заимствовать у католиков их волевою и умственную культуру — были бы для нас безнадежны. Их культура выросла исторически из преобладания воли над сердцем, анализа над созерцанием, рассудка во всей его практической трезвости над совестью, власти и при-

нуждения над свободой. Как же мы могли бы заимствовать у них эту культуру, если у нас соотношение этих сил является обратным? Ведь, нам пришлось бы погасить в себе силы сердца, созерцания, совести и свободы, или, во всяком случае, отказаться от их преобладания. И неужели есть наивные люди, воображающие, что мы могли бы достигнуть этого, заглушив в себе славянство, искоренив в себе вековечное воздействие нашей природы и истории, подавив в себе наше органическое свободолюбие, извергнув из себя естественную православность души и непосредственную искренность духа? И для чего? Для того, чтобы искусственно привить себе чуждый нам дух иудаизма, пропитывающий католическую культуру, и далее — дух римского права, дух умственного и волевого формализма и, наконец, дух мировой власти, столь характерный для католиков?.. А в сущности говоря, для того, чтобы **отказаться от собственной, исторически и религиозно заданной нам культуры духа, воли и ума:** ибо нам не предстоит в будущем пребывать исключительно в жизни сердца, созерцания и свободы, и обходиться без воли, без мысли, без жизненной формы, без дисциплины и без организации. Напротив, нам предстоит вырастить из свободного сердечного созерцания — **свою, особую, новую, русскую культуру воли, мысли и организации.** Россия не есть пустое вместилище, в которое можно механически, по произволу, вложить все, что угодно, не считаясь с законами ее духовного организма. Россия есть живая духовная система, со своими историческими дарами и заданиями. Мало того, — за нею стоит некий божественный исторический замысел, от которого мы не смеем отказываться и от которого нам и не удалось бы отречься, если бы мы даже того и захотели... И все это выговаривается **русской идеей.**

Эта русская идея **созерцающей любви и свободной предметности** — сама по себе не судит и не осуждает инородные культуры. Она только **не предпочитает их и не вменяет их себе в закон.** Каждый народ творит то, что он может, исходя из того, что ему дано. Но плох тот народ, который не видит того, что дано **именно** ему, и потому **ходит побираться под чужими окнами.** Россия имеет **свои** духовно-исторические дары и призвана творить свою особую духовную культуру: — культуру сердца, созерцания, свободы и предметности. Нет единой общеобязательной «западной культуры», перед которой все остальное — «темнота» или «варварство». Запад нам не указ и не тюрьма. Его культура не есть идеал совершенства. **Строение его духовного акта** (или вернее — **его духовных актов**) может быть и соответствует его способностям и

его потребностям, но нашим силам, нашим заданиям, нашему историческому призванию и душевному укладу оно не соответствует и не удовлетворяет. И нам незачем гнаться за ним и делать себе из него образец. У запада свои заблуждения, недуги, слабости и опасности. Нам нет спасения в западничестве. У нас свои пути и свои задачи. И в этом — смысл русской идеи.

Однако, это не гордость и не самопревознесение. Ибо, желая идти своими путями, мы отнюдь не утверждаем, будто мы ушли на этих путях очень далеко или будто мы всех опередили. Подобно этому мы совсем не утверждаем, будто все, что в России происходит и создается, — совершенно, будто русский характер не имеет своих недостатков, будто наша культура свободна от заблуждений, опасностей, недугов и соблазнов. В действительности мы утверждаем иное: хороши мы в данный момент истории или плохи, **мы призваны** и обязаны идти своим путем, — очищать свое сердце, укреплять свое созерцание, осуществлять свою свободу и воспитывать себя к предметности. Как бы ни были велики наши исторические несчастья и крушения, мы призваны **самостоятельно быть**, а не ползать перед другими; **творить**, а не заимствовать; обращаться к Богу, а не подражать соседям; искать русского видения, русских содержаний и русской формы, а не ходить в кусочки, собирая на мнимую бедность. **Мы западу не ученики и не учителя. Мы ученики Богу и учителя себе самим.** Перед нами задача: творить русскую самобытную духовную культуру — из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом — смысл русской идеи.

III.

Эту национальную задачу нашу мы должны верно понять, не искажая ее и не преувеличивая. Мы должны заботиться не об оригинальности нашей, а о **предметности** нашей души и пашен культуры; оригинальность же «приложится» сама, расцветая непреднамеренно и непосредственно. Дело совсем не в том, чтобы быть ни на кого не похожим; требование «будь как никто» неверно, нелепо и не осуществимо. Чтобы расти и цвести, не надо коситься на других, стараясь ни в чем не подражать им и ничему не учиться у них. Нам надо не отталкиваться от других народов, а уходить в **собственную глубину и восходить из нее к Богу**; надо не оригинальничать, а добиваться Божьей правды; надо не предаваться восточно-славян-

ской мании величия, а искать русскою душою предметного служения. И в этом смысл русской идеи.

Вот почему так важно представить себе наше национальное призвание со всей возможной живостью и конкретностью. Если русская духовная культура исходит из сердца, созерцания, свободы и совести, то это отнюдь не означает, что она «отрицает» волю, мысль, форму и организацию. Самобытность русского народа совсем не в том, чтобы пребывать в безволии и безмыслии, наслаждаться бесформенностью и прозябать в хаосе; но в том, чтобы **выращивать вторичные силы русской культуры (волю, мысль, форму и организацию) из ее первичных сил (из сердца, из созерцания, из свободы и совести)**. Самобытность русской души и русской культуры выражается именно в этом распределении ее сил на **первичные и вторичные**: первичные силы определяют и ведут, а вторичные вырастают из них и приемлют от них свой закон. Так **уже было** в истории России. И это было верно и прекрасно. Так должно быть и впредь, но еще лучше, полнее и совершеннее.

1. — Согласно этому — русская **религиозность** должна по-прежнему утверждаться на сердечном созерцании и свободе, и всегда блюсти свой совестный акт. Русское православие должно чтить и охранять свободу веры — и своей, и чужой. Оно должно созидать на основе сердечного созерцания свое особое православное богословие, свободное от рассудочного, формального, мертвенного, скептически-слепого резонерства западных богословов; оно не должно перенимать моральную казуистику и моральный педантизм у запада, оно должно исходить из живой и творческой христианской совести («к свободе призваны вы, братия», Гл. 5. 13), и на этих основах оно должно разработать **восточно-славянскую дисциплину воли и организации**.

2. — Русское **искусство** — призвано блюсти и развивать тот дух любовной созерцательности и предметной свободы, которым оно руководилось доселе. Мы отнюдь не должны смущаться тем, что запад совсем не знает русскую народную песню, еле начинает ценить русскую музыку и совсем еще не нашел доступа к нашей дивной русской живописи. Не дело русских художников (всех искусств и всех направлений) заботиться об успехе на международной эстраде и на международном рынке — и приспособляться к их вкусам и потребностям; — им не подобает «учиться» у запада — ни его упадочному модернизму, ни его эстетической бескрылости, ни его художественной беспредметности и снобизму. У русского художества **свои заветы** и традиции, **свой национальный твор-**

ческий акт: нет русского искусства без горящего сердца; нет русского искусства без сердечного созерцания; нет его без свободного вдохновения; нет и не будет его без ответственного, предметного и совестного служения. А если будет это все, то будет и впредь художественное искусство в России, со своим живым и глубоким содержанием, формой и ритмом.

3. — Русская **наука** — не призвана подражать западной учености, ни в области исследования, ни в области мировосприятия. Она призвана вырабатывать свое мировосприятие, свое исследование. Это совсем не значит, что для русского человека «необязательна» единая общечеловеческая логика, или что у его науки может быть другая цель, кроме предметной истины. Напрасно было бы толковать этот призыв, как право русского человека на научную недоказательность, безответственность, на субъективный произвол или иное разрушительное безобразие. Но русский ученый призван вносить в свое исследование начала **сердца, созерцательности, творческой свободы и живой ответственной совести**. Русский ученый призван вдохновенно **любить** свой предмет так, как его любили Ломоносов, Пирогов, Менделеев, Сергей Соловьев, Геденов, Забелин, Лебедев, князь Сергей Трубецкой. Русская наука не может и не должна быть мертвым ремеслом, грузом сведений, безразличным материалом для произвольных комбинаций, технической мастерской, школой бессовестного умения.

Русский ученый призван насыщать свое наблюдение и свою мысль живым **созерцанием**, — и в естествознании, и в высшей математике, и в истории, и в юриспруденции, и в экономике, и в филологии, и в медицине. Рассудочная наука, не ведущая ничего кроме чувственного наблюдения, эксперимента и анализа, есть наука **духовно-слепая**: она не видит предмета, а наблюдает одни оболочки его; прикосновение ее убивает живое содержание предмета; она застревает в частях и кусочках, и бессильна подняться к **созерцанию целого**. Русский же ученый призван **созерцать** жизнь народного организма; **видеть** математический предмет; зреть в каждой детали русской истории дух и судьбу своего народа; растить и укреплять свою **правовую интуицию**; **видеть** целостный экономический организм своей страны; **созерцать** целостную жизнь изучаемого им языка; врачебным зрением **постигать** страдание своего пациента.

К этому должна присоединиться **творческая свобода** в исследовании. Научный метод не есть мертвая система приемов, схем и комбинаций. Всякий настоящий, творческий ис-

следователь всегда вырабатывает свой, новый метод. Ибо метод есть живое, ищущее движение к предмету, творческое приспособление к нему, «исследование», «изобретение», вживание, вчувствование в предмет, нередко импровизация, иногда перевоплощение. Русский ученый по всему складу своему призван быть не ремесленником и не бухгалтером явлений, а художником в исследовании; ответственным импровизатором, свободным пионером познания. Отнюдь не впадая в комическую претенциозность или в дилетантскую развязность самоучек, русский ученый должен встать на свои ноги. Его наука должна стать наукой творческого созерцания — не в отмену логики, а в наполнение ее живою предметностью; не в поправление факта и закона, а в узрение целостного предмета, скрытого за ними.

4. — Русское право и правоведение должны оберегать себя от западного формализма, от самодовлеющей юридической догматики, от правовой беспринципности, от релятивизма и сервиллизма, России необходимо новое правосознание, национальное по своим корням, христианско-православное по своему духу и творчески-содержательное по своей цели. Для того, чтобы создать такое правосознание, русское сердце должно увидеть духовную свободу, как предметную цель права и государства, и убедиться в том, что в русском человеке надо воспитать свободную личность с достойным характером и предметною волею. России необходим новый государственный строй, в котором свобода раскрыла бы ожесточенные и утомленные сердца, чтобы сердца по-новому прилепились бы к родине и по-новому обратились к национальной власти с уважением и доверием. Это открыло бы нам путь к исканию и нахождению новой справедливости и настоящего русского братства. Но вес это может осуществиться только через сердечное и совестное созерцание, через правовую свободу и предметное правосознание.

Куда бы мы ни взглянули, к какой бы стороне жизни мы не обратились, — к воспитанию или к школе, к семье или армии, к хозяйству или к нашей многоплеменности, — мы видим всюду одно и то же: Россия может быть обновлена и будет обновлена в своем русском национальном строении именно этим духом — духом сердечного созерцания и предметной свободы. Что такое русское воспитание без сердца и без интуитивного восприятия детской личности? Как возможна в России бессердечная школа, не воспитывающая детей к предметной свободе? Возможна ли русская семья без любви и совестного созерцания? Куда заведет нас новое рассудочное

экономическое доктринерство, по-коммунистически слепое и противоестественное? Как разрешим мы проблему нашего многоплеменного состава, если не сердцем и не свободой? А русская армия никогда не забудет суворовской традиции, утверждавшей, что солдат есть личность, живой очаг веры и патриотизма, духовной свободы и бессмертия...

Таков основной смысл формулированной мною русской идеи. Она не выдумана мною. **Ее возраст есть возраст самой России.** А если мы обратимся к ее религиозному источнику, то мы увидим, что это есть **идея православного христианства.** Россия восприняла свое национальное задание тысячу лет тому назад от христианства: осуществить свою национальную земную культуру, проникнутую христианским духом любви и созерцания, свободы и предметности. Этой идее будет верна и грядущая Россия.

* * *

Имя Ивана Александровича Ильина уже прочно вошло в научный оборот современных философов и публицистов¹. И это неудивительно: замечательный русский православный мыслитель и неукротимый патриот России, автор более тридцати книг и нескольких сот статей, Ильин по праву занял свое место в плеяде выдающихся русских философов XX столетия.

Иван Ильин родился 28 марта 1883 г. в Москве. В 1901 г. он закончил классическую гимназию с золотой медалью: в 1906 г. — юридический факультет Московского университета. Кандидатские сочинения писал об идеальном государстве Платона и об учении Канта о вещи в себе и теории познания. Был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре энциклопедии права и истории философии права (1906—1909). За эти годы подал шесть сочинений: О «Наукоучении Фихте Старшего издания 1794 года», «Учение Шеллинга об абсолютном», «Идеи конкретного и абстрактного в теории познания Гегеля», «Идеи общей воли у Жан Жака Руссо», «Метафизические основы учения Аристотеля о *Doulos Fydei*» и «Проблема метода в современной юриспруденции». В области чистой юриспруденции занимался тремя основными вопросами: «Идея государственного суверенитета», «Монархия и республика» и «Природа международного права».

В 1909 г. И. Ильин утвержден в звании приват-доцента Московского университета. В 1910—1912 гг. он был в научной командировке за границей — в университетах Гейдельберга, Фрейбурга, Берлина, Геттингена и Парижа: по возвращении в Москву продолжил преподавание, работая в то же время над большим философским сочинением о Гегеле. Упорный труд и незаурядные способности дали превосходные плоды. В океане мирового гегелеведения двухтомная работа Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека», появившаяся в 1918 г. в Москве, не затерялась, но стала впоследствии событием. На основе этого труда Ильин публично защи-

тил в том же году магистерскую диссертацию. Официальными оппонентами на ее защите выступали проф. П. И. Новгородцев и проф. кн. Е. Н. Трубецкой; председательствовал декан проф. И. Т. Тарасов. Труд Ильина был столь высокого качества, что ему было единогласно присуждено сразу две степени: магистра и доктора государственных наук. Своеобразие труда заключалось в том, что кроме обычных выделяемых у Гегеля рационализма, панлогизма и диалектики, Ильин показал также органическую конкретность, интуитивизм, иррационализм, метафизичность, религиозность и глубокий внутренний драматизм гегелевской философии. Главным для Ильина было то, что философия Гегеля есть философия духа, и прежде всего — религиозная философия. Стремясь обнаружить жизненный нерв философии и ее корни, Ильин начинает разрабатывать «положительную философию» — философию творящего духа, философию святых, философию любви. Воспитанный во многом на философских системах великих немецких мыслителей, Ильин, однако, отрицал необходимость создания философской системы в качестве основной задачи для философа. В его представлении философия должна быть ясным, честным и жизненным исследованием духа и духовности (предметным духовно-душевым деланием). Никто не может заранее знать, что исследуемый предмет в действительности соответствует закону человеческой логики, нашей системе координат, нашему рассудочному рационализму. Поэтому главное призвание философа — не конструирование системы, а предметное созерцание и мышление. Философ должен предоставить самому предмету показать свой «строй»: если предмет есть система, то его философия верно изобразит ее; если предмет есть бессвязная совокупность, то и это обнаружится. Предметом нельзя повелевать, и уж тем более — исказить его.

Однако спокойное течение жизни Ильина было прервано событиями, перевернувшими Россию — катастрофой семнадцатого года. Будучи по своей академической направленности правоведом, Ильин не мог принять разрушения революционным потоком российского государства и решительно примкнул к правому лагерю. Убеденный и деятельный враг большевизма, он считал, что у него не может быть с ним ни компромисса, ни примирения, т. к. весь замысел большевиков и вся их деятельность кощунственна, противоестественна и для России гибельна. Органы ЧК шесть раз арестовывали Ильина, в последний раз — в конце 1922 г. Смертная казнь была заменена пожизненным изгнанием из советской России. На одном из «философских» пароходов Ильин отплыл в Германию, в Штеттин.

Летом 1925 г. российский эмиграцию взбудоражила статья Ильина «Идея Корнилова», напечатанная 17 июня в парижской газете «Возрождение», редактируемой П. В. Струве. В этом же году из-под пера философа вышла книга «О сопротивлении злу силой», в которой развивались положения из этой статьи. Книга представляла из себя солидное научное исследование, а также имела прикладное значение: основные ее положения автор применил к недавней русской истории. Идею Лавра Георгиевича Корнилова («белую идею»), одного из главных вдохновителей и вождей Белого движения, Ильин определял как идею возрождения древней русской патристической традиции, идею православного меча, идею построения новой, государственно-здоровой России. Это была идея, противоположная учению Л. Н. Толстого о Непротивлении злу силой. Это учение было, по мнению Ильина, одной из причин постигшей Россию катастрофы, ибо оно содейство-

вало неправильному строению русского характера и русской идеологии, и прежде всего — у русской интеллигенции. В 1917 г., когда власть была захвачена «бесами», на волевое сопротивление была способна лишь небольшая часть русского народа — Белое Движение.

Как отмечал проф. Полторацкий, формально в книге есть только главы, но внутренне книга делится на четыре части. В первой части (главы 1—8) автор ставит проблему зла и борьбы со злом. Во второй части (главы 9—12) он излагает и опровергает толстовское учение. В третьей (главы 13—18) — приступает к положительному решению сопротивления злу силой. В четвертой (главы 19—22) это положительное решение доводится до логического конца — с отвержением ложных положительных решений (Лютер и иезуиты) и утверждением того верного положительного решения проблемы сопротивления злу силой, которое содержалось в духе древнего православия.

Основной идейный замысел книги выражен в следующих словах письма Ильина к Струве от 19 июля 1925 года:

«Книга задумана не как антитезис Толстовству, а как антитезис плюс с и н т е з верного решения:

**Спротивляйся
всегда любовью**

- a. самосовершенствованием
- b. духовным воспитанием других
- v. мечом

Я не искал не только опровержения Толстовства, но и доказательства того, что к любви — меченосец способен не меньше, а больше непротивленца. Словом, я искал решения вопроса, настоящего, религиозного, пред лицом Божиим: и считаю, что оно в древнем духе православия».

На Ильина обрушились волны гнева. Полемика началась статьями М. Кольцова в большевистской «Правде» в Москве и И. Демидова и Н. Вакара в газете Милюкова «Последние новости» в Париже. Затем в нее стали постепенно вовлекаться все новые круги и лица. Сначала против Ильина выступали преимущественно журналисты и публицисты, не имевшие действительного авторитета в богословских и философских вопросах. Поэтому Ильину («Отрицателям меча», 29 июля 1925, «Возрождение») и Струве («Дневник политика», 25 июня 1925, «Возрождение») отбить первую атаку не составило труда.

Но, начиная с зимы 1926 г. наряду с партийно-политическими кругами, в полемику вовлеклись и представители религиозно-философских и церковных кругов. 25 февраля 1926 г. в «Последних новостях» была опубликована статья Зинаиды Гиппиус «Предостережение». Как ни резки были выступления Гиппиус, они не имели, однако, того веса и звучания, какое имела статья Николая Бердяева «Кошмар злого добра» в журнале «Путь». В первой ее части Бердяев бранит Ильина и его книгу, во второй — спорит со взглядами Ильина на государство, свободу, человека и любовь, объявляя эти взгляды не христианскими. Более того, Бердяев заявил, что «Чека» во имя Божие более отвратительно, чем «чека» во имя дьявола». На выступление Бердяева Ильин ответил статьей «Кошмар Н. А. Бердяева. Необходимая оборона», опубликованной 29 октября 1926 г. в «Возрождении». Ильин писал, что статья Бердяева есть результат приснившегося ему кошмара: Бердяеву пригрезилась некая система идей которую он приписал Ильину. Ильин подчеркивал, что сопротивление злу

силой есть акт несправедливый (но не греховный), своего рода духовный компромисс. Оно должно быть прекращено при первой возможности. Но в жизни государства и в истории народа бывают моменты, когда следует противиться мечом и полем наступлению людовраждебных сил мирового зла. Ильин привел примеры созданной Бердяевым «идеологической инсинуации», конкретно ответив на каждое из выдвинутых Бердяевым обвинений.

Статья Бердяева побудила выступить против Ильина и ряд других близких ему лиц, в том числе Ю. Айхенвальда, Ф. Степуна и В. Зеньковского. Заметим, что религиозные философы более академического типа — С. Франк и Н. Лосский — открыто в полемику тогда не вступали. Но каждый из них занял определенную позицию — и они оказались по разные стороны баррикад: Лосский в лагере Ильина, Франк на стороне Бердяева. Ильин считал необходимым ответить суммарно — статьей, обращенной к единомышленникам, а не к противникам. Статья эта — «О сопротивлении злу (Открытое письмо В. Х. Даватцу)» — была напечатана в начале ноября 1926 г. в трех номерах белградской газеты «Новое время», которую издавал Б. Суворин, а редактировал активный участник Белого движения профессор Даватц. Ильин писал, что в основе его идейного расхождения с такими новейшими двусмысленными непротивленцами, как Демидов, Бердяев и Айхенвальд, лежит вопрос об отношении христианина к государству. Церковь нельзя смешивать с государством, и нельзя ни государство превращать в церковь, ни церковь — в государство. Но государство необходимо принять — оставаясь христианином и осмысливая государство хотя и другой, чем в церкви, но тоже христианской любовью.

Ильин был философом, а не богословом, и труд его был свободным исследованием в области социальной философии. Но он был также человеком глубоко православным, его труд касался вопросов, в которых последнее слово принадлежит не философии, а религии, и ему важно было, чтобы между его выводами и учением Церкви не было принципиальных расхождений. Поэтому мыслителя обрадовала поддержка, оказанная ему и его взглядам епископами Русской православной Церкви за границей, в том числе митрополитом Антонием, тогдашним ее возглавителем, который считал книгу Ильина подлинным и точным выражением православного воззрения. Ильин получил поддержку также от таких видных представителей русской эмиграции, как писатель Иван Шмелев, профессор Александр Билимович, богослов Николай Арсеньев, поэт Иван Бунин. Всех их объединяла одна мысль, которую я бы сформулировал так: «Да, надо жить мирно не только со своими друзьями, но и со своими врагами, но только со своими личными врагами, но не с врагами Бога и России. Поэтому мы не вправе предоставить злодеям обижать слабых, развращать детей, осквернять храмы и губить Родину».

Позиция, занятая Ильиным в эмиграции, закономерно привела мыслителя в ряды Русского Общевоинского Союза (РОВС), душой и идеологом которого он вскоре стал. Как известно, Ильин не был участником вооруженной борьбы белых в годы гражданской войны, находясь в то время в захваченной большевиками Москве и ведя борьбу против них изнутри. Но Ильин сразу же приветствовал героически-жертвенное движение генерала Алексева на юге России и немедленно связался с ним, а попав впоследствии в Берлин — с представителем барона Врангеля, генерал-лейтенантом фон Лампе. Покоренный глу-

боким проникновением в национальный дух и государственный смысл Белого движения, ген. Лампе в конце 1926 г. поместил статью Ильина «Белая идея» в качестве предисловия к первому тому целой серии сборников «Белое дело», выходявших тогда под редакцией ген. Лампе. История еще по достоинству оценит и Белое движение, и РОВС. Белые воины — это лучшее, национально-крепчайшее, самое ценное в национально-духовном смысле, что дала от себя тогда Россия. Это гордость России, дети ее, избранные ее, ее кровь и ее крик, боль ее и слезы ее — и ее немеркнущая слава. «Пусть не всегда были подобны горному снегу одежды белого ратника — да святится во веки его память» (Бунин)³.

А жизнь тем временем шла своим чередом. В 1933 г. к власти в Германии пришли национал-социалисты. Ильин, который еще с 1923 г. состоял профессором при Русском научном институте в Берлине, был вынужден в 1934 г. покинуть его за отказ преподавать в соответствии с нацистской программой. Он ездит по Европе, выступает с лекциями, много и плодотворно пишет. Здесь надо прежде всего отметить книгу «Пути духовного возрождения», вышедшую в 1935 г. в Белграде. В своей книге философ выделяет семь вечных основ духовного бытия человека, без возвращения к которым невозможен и выход из современного кризиса. Эти основы — вера, любовь, свобода, совесть, семья, родина и нация. Они образуют нерасторжимое единство, но первичные из них две — вера и любовь, через которые постигаются и осмысливаются и остальные формы духовной жизни.

В 1938 г. гестапо запрещает Ильину публичные выступления: новым хозяевам Германии не по нраву пришлось настроения Ильина, разгадавшего сущность нацистского тоталитаризма. Лишившись какого-либо источника существования и опасаясь ареста, он бежал в Швейцарию, чтобы в 55-летнем возрасте вновь приступить к налаживанию своей жизни и продолжению деятельности. Цюрихский период в жизни Ильина вылился в напряженную работу по подведению научных итогов. Ильин в эти годы много писал, но, безусловно, одно из главных мест среди его трудов занимают две книги.

Первая, так до конца и не обработанная, — «О монархии». Ильин был убежденным монархистом. Преимущества монархии для России он видел в следующем:

1) Твердая преемственность избавляет страну от разорительных смут.

2) Нет периодической тряски выборов, ослабляются политические раздоры в стране.

3) Монарх никому не обязан своим избранием, он ничего не обещает, но дальновидно проводит назревшие реформы. Он не бросается опретью, чтобы сманеврировать, не упустить власть, и имение монарх имеет время и власть провести дальнейшие реформы.

4) Монарх имеет возможность беспристрастно удовлетворять интересы разных классов и слоев. Монархия — есть дух народной единения, а монарх выступает высшим арбитром.

5) Личное благо и сила монарха совпадают с благом и силой всей страны, он просто вынужден защищать всенародные интересы — хотя бы чтобы уцелеть. В целом, монархия была бы идеальным строем если бы не случайность рождения наследника.

6) Для стран многонациональных монарх является единственной скрепой и олицетворением единства.

Недостатки республики для России Ильин видел в следующем:

1) Парламенты при всеобщих-равных-прямых-тайных выборах мало выражают собой глубины и пространства страны: депутаты от десятка самых разговорчивых городов России — это еще не воля народа.

2) Идея республики никогда не существовала в России. Новгород и Псков из-за нее погибли. В Смуту начала 17 века искали царя, а не республику. Анархические идеи — да, были — но не республика. То, что хорошо для малых, тесно сплоченных стран Западной Европы, плохо для России.

3) Партийное соперничество раздирает страну. Республиканские выборы роняют авторитет власти, народ ее не уважает. Наоборот, власть должна угождать избирателям до выборов и отслуживать после них.

Конечно, Ильин видел опасности и у монархии. Монарх должен сохранять свою автономность, которая может оказаться утраченной в ряде случаев. И в крайних ситуациях возникает тяжелейшая для монархического правосознания проблема пересмотра своей обязанности пожизненно служить государю. При решении этой проблемы следует исходить из таких основ:

- царь для страны, а не страна для царя;
- неповиновение как священная обязанность, а не как право;
- неповиновение не вопреки своей присяге, а во исполнение ее;
- полная отрешенность при неповиновении от личного или сословного интереса;
- неповиновение как единственный и верный путь к строительству монархии.

Ильин указывал, что на протяжении всего своего существования до 1917 г. Россия всегда была монархией. Именно монархия вела и строила Россию, а республика ее разваливала, а развалив, заменила тиранией. Однако в падении самодержавия, приведшем к гибели самой России, виноваты не только республиканцы, но и монархисты, включая некоторых членов династии. И для возрождения России в будущем нужно прежде всего понять причины крушения и встать на путь нравственного, идейного и волевого оздоровления. Как в прошлом, так и в будущем, — принимая во внимание русское народное правосознание, исторический опыт народа, его национально-патриотический дух и его волю, численность, многонациональность и разнородность страны, а также ее территориальные размеры, климат и природу, — для России наиболее подходящей формой правления была бы монархия. Возможно, что после краха большевистского режима Россия будет вынуждена перемогаться и прозябать в качестве демократической федеративной республики. Так что же, терзать страну новой гражданской войной во имя водворения ложной, партийной монархии на крови честных, но иначе мыслящих русских патриотов? Нет! Монархия требует живой традиции, или — духовной зрелости. Традиция прервана, а зрелости еще нет.

Ильин выдвинул пять главных условий безболезненного восстановления монархии:

1) В народе должны созреть внутренние — политические, нравственные и религиозные — тяготения, способные проявиться активно и организованно.

2) Должен сложиться честный и верный кадр монархистов.

3) Должна разложиться или рухнуть республиканская власть.

4) Должны сложиться благоприятные внешнеполитические условия.

5) Должна окрепнуть вера в данную династию как в духовный орган национального спасения и международного мира.

Чтобы сложились эти условия, могут потребоваться многие годы. Тому, что надо делать в этот период, посвящена вторая книга — сборник «Наши задачи».

Состоит он из более двухсот коротких, но содержательных статей, написанных в 1948—1954 гг. Эти статьи первоначально издавались и рассылались руководством РОВС «только для единомышленников», и только после смерти Ильина были изданы для всеобщего ознакомления. Статьи сборника могут быть условно разделены по трем основным темам:

1) Характерные черты дореволюционной России и причины революции.

2) Революционная Россия.

3) Пути возрождения и духовного обновления России.

Весь сборник проникнут религиозным православным мировоззрением, однако доктрины в «Наших задачах» нет — эти статьи, скорее, оселок для оттачивания мышления и воли читателя. Ценность этого итогового издания состоит также в том, что оно ставит и разрешает интересующие всякого русского вопросы не в абстрактном академическом плане, а одновременно и в научной, и в прикладной, жизненно-волевой перспективах. Вот почему для систематизированного изложения взглядов Ильина эта книга может служить основным источником. Следует признать, что И. Ильин был чуть ли не единственным философом, который в те годы попытался предметно изучить вопрос: что будет в России после падения большевизма? Многие его прогнозы уже в точности подтвердились в ходе нашей перестройки. Это и межнациональные столкновения, и развал СССР, и нападки желтой прессы на русских, и интрига исторических врагов России («мировой закулисы») и т. д. Не следует ли из этого, что мы должны тщательно проанализировать и взвесить все конкретные предложения Ильина?

В «Наших задачах» мыслитель завершает свое учение о русской идее, что, в его представлении, есть «идея православного христианства. Россия восприняла свое национальное задание тысячу лет тому назад от христианства: осуществить свою национальную земную культуру, проникнутую христианским духом любви и созерцания, свободы и предметности».

И. А. Ильин умер 21 декабря 1954 г. Его вдова, Наталия Николаевна, сделала все возможное, чтобы с помощью друзей опубликовать те труды Ильина, которые он сам подготовил к печати. Основные русские труды Ильина могут быть условно отнесены к четырем категориям:

І. Философия и религия.

Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Москва, 1918.

Религиозный смысл философии: три речи. Париж, 1924.

О сопротивлении злу силой. Берлин, 1925.

Пути духовного обновления. Белград, 1935.

Основы христианской культуры. Женева, 1937.

Поющее сердце. Мюнхен, 1958.

Аксиомы религиозного опыта. Париж, 1953.
Путь к очевидности. Мюнхен, 1957.

II. Правоведение.

Понятие права и силы: опыт методологического анализа. Москва, 1910.

Проблема современного правосознания. Берлин, 1923.
О сущности правосознания. Мюнхен, 1956.

III. Искусство и литература.

Основы художества: о совершенном в искусстве. Рига, 1937.

О тьме и просветлении: Книга художественной критики: Бунин-Ремизов-Шмелев. Мюнхен, 1959.

Русские писатели, литература и художество: Сб. статей, речей и лекций /Ред., предисл. и примеч. Н. П. Полторацкого. Вашингтон, 1973.

IV. Россия и советоведение

Родина и мы. Белград, 1926.

Яд большевизма. Женева, 1931.

О России: три речи. София, 1934.

Творческая идея нашего будущего. Берлин, 1937.

Пророческое призвание Пушкина. Рига, 1937.

Советский Союз не Россия. Сан-Пауло, 1949.

Основы борьбы за национальную Россию. Нарва, 1938.

Наши задачи: статьи 1948—1954 гг. Париж, 1956.

В той плеяде мыслителей, которые создавали русскую религиозную философию, Ильин стоит особняком. Да, он расходился с наиболее известными из них — Бердяевым, Булгаковым, Мережковским, Розановым, но и они сами расходились между собой. Поэтому дело не в факте расхождения, а в сущности его. И дело не в том, что Ильин вышел из гегелевской философской школы с ее формальным конструированием. И не в том, что Ильин категорически не принимал всего, что связано с большевизмом, тогда как у многих русских философов позиция была весьма смазанной и колеблющейся. Главное в том, что православные воззрения Ильина в корне отличны от универсалистского «неохристианства» Бердяева и др.

Ильин был не только меченосцем, но и крестоносцем. В одной из своих работ проф. Полторацкий приводит молитву служения и одоления, автором которой был Ильин: «Вот я, перед Тобюю, Господи, слуга Твой, ищущий только воли Твоей. Научи меня верно служить Тебе всяким дыханием и деянием моим. Пошли мне силы Твоей, мудрости Твоей, вдохновения Твоего. Не отдай меня на поругание врагам Твоим, изведи меня от угроз их. И соблюди мою свободу в жизни и творчестве, ибо свобода моя — в совершении воли твоей». Так молиться мог только истинно и глубоко православно верующий человек, верящий в свое призвание служить Богу и России.

* * *

1. Можно указать на статьи Ю. Лисицы (Лит. Россия. № 16, 1990), Н. Гаврюшина (Родина. № 7, 1990), С. Хорунжего (Юность. № 8, 1990), В. Крупина (Москва. № 8, 1990), В. Белова (Наш Современ-

менник. № 4, 1991) и др. Многие издания перепечатывают работы Ильина.

Крупнейшим специалистом по Ильину был Н. П. Полторацкий (США). Среди современных политологов, которые развивают идеи Ильина, следует назвать прежде всего А. И. Солженицына, И. Р. Шафаревича и Д. М. Панина.

2. Письмо опубликовано в книге: Н. Полторацкий. И. А. Ильин и полемика вокруг его идей о сопротивлении злу силой. Лондон (Канада), 1975.

3. Бунин И. А. Миссия русской эмиграции//Литератор. Ленинград, 1990. №41. С. 4—5.

4. Ильин И. А. Наши задачи: статьи 1948—1954. Париж, 1956. Т. 1. С. 321.

Даниил Цыганков